

Содержание

Пролог 11

Введение. От абсурда к злодеянию 19

РАЗДЕЛ I. Лишение разума

Глава 1. Неприличное предложение 39

Глава 2. Доведение до абсурда 57

Глава 3. *Non sequitur* 76

РАЗДЕЛ II. Чистая и простая истина?

Глава 4. Дьявол в деталях 97

Глава 5. Дым без огня 112

Глава 6. Природа зверя 130

Глава 7. Заманить и подменить 150

РАЗДЕЛ III. Лазейки разума

Глава 8. Бен Ладен Шрёдингера 171

Глава 9. Память остается 191

Глава 10. Кинжал, измышленный воображеньем 206

Глава 11. Большие надежды 227

РАЗДЕЛ IV. **Ложь, наглая ложь и статистика**

Глава 12. Случайные встречи	245
Глава 13. Просеивание сигнала	261
Глава 14. Размер имеет значение	277

РАЗДЕЛ V. **Мировые новости**

Глава 15. Нарушение баланса	295
Глава 16. Истории из эхокамеры	315
Глава 17. Машина злодейства	332
Глава 18. Дурное влияние	350

РАЗДЕЛ VI. **Свеча, горящая во мраке**

Глава 19. Грань науки	371
Глава 20. Возвышение карго-культы	392
Глава 21. Здоровый скептицизм	409
Эпилог	431

<i>Благодарности</i>	455
<i>Библиография</i>	457
<i>Указатель</i>	467

*Матильде, Дэни и Лоре —
за вдохновение, идеи и поддержку*

Пролог

Станислав Петров на первый взгляд ничем не напоминает хрестоматийного героя: его имя не на слуху, и оно не украшает многочисленные монументы. Тем не менее есть причины утверждать, что благодаря этому человеку, этому малоизвестному русскому все мы до сих пор живы.

Вы спросите, почему? Что ж, я охотно отвечу. 26 сентября 1983 года подполковник Станислав Петров, офицер войск советской противовоздушной обороны, нес службу в бункере, расположенном в Московской области, в секретном городе Серпухов-15. В этом бункере располагалась станция слежения “Око”, задачей которой было раннее оповещение о возможной ракетной атаке. “Око” бдительно следило за вероятным противником. Время стояло тревожное. Холодная война была в самом разгаре; развертывание американских ядерных ракет привело Кремль в ярость. Никогда еще напряженность в отношениях между США и СССР не достигала такой степени враждебности. Всего несколько недель назад Советы сбили южнокорейский пассажирский самолет. Погибли все 269 человек, находившиеся на борту, и среди них американский конгрессмен.

После того как президент Рейган объявил Советский Союз “империей зла”, отношения между двумя странами стали балансировать на грани войны; в коридорах власти уже

шли кулуарные разговоры о реальной перспективе ядерного конфликта. Трудно даже вообразить себе всю разрушительную мощь, бывшую тогда в распоряжении каждой из двух соперничавших держав. В первой половине двадцатого века физики открыли секрет слияния ядер, поняв, откуда берется колоссальная энергия звезд. За несколько десятилетий США и СССР потратили огромные средства на практическое применение этого феномена — отнюдь не ради блага человечества, а ради создания ядерных арсеналов, способных стирать с лица земли целые города. После применения такого оружия не было бы никаких победителей, остались бы лишь выжившие.

И вот на всем этом невеселом политическом фоне на станции слежения в Серпухове-15 взвыл в то хмурое сентябрьское утро сигнал тревоги, оповестивший о том, что на территорию Советского Союза летят американские ракеты. Немыслимое стало реальностью; ядерная война стала неотвратимой. Станислава Петрова долго готовили к такой ситуации, и инструкции были вполне ясными: незамедлительный доклад вышестоящему командованию о начале войны. Ответ был предсказуем: русские выпустят навстречу американским ракетам тучу ядерных боеголовок. Советский Союз будет уничтожен, но вместе с ним погибнет и Америка. В этом обмене ударами две сверхдержавы нанесут удар по каждой стране мира, чтобы лишить преимуществ любого соперника, который, уцелев, мог бы надеяться захватить власть над ядерным пепелищем.

Петров отчетливо представлял себе это мрачное будущее. Понимал он и то, что, когда его рапорт дойдет до верховного командования, советские военачальники не станут терять время на долгие раздумья и примут решение об ответном ударе возмездия. Каждая секунда промедления давала американцам все больше преимуществ, и этот факт, естественно, не ускользнул от офицеров дежурной смены. Они считали, что времени на размышления нет — настал момент решительных действий. Но в этой страшно напряженной ситуации Петров принял

иное решение. Он связался с дежурным офицером и сообщил, что “Око” выдало сигнал ложной тревоги. Подчиненные Петрова пришли в ужас, но он был командиром и право решать принадлежало ему одному. Теперь оставалось только ждать: был ли подполковник прав — или через несколько минут все они погибнут в пылающем аду.

То, что мы все живы и вы читаете эти строки, есть доказательство того, что Петров не ошибся. Рассуждения его были просты и изящны: если бы Соединенные Штаты решились нанести удар, то мощь его была бы колоссальной. Американцы наверняка попытались бы сокрушить противоракетную оборону противника, ошеломить его — в надежде стереть врага с лица земли. Американцы, естественно, не могли не понимать, что Россия ответит ударом на удар, и поэтому атака была бы устрашающих масштабов. Жалкие пять ракет, зафиксированные системой слежения, не укладывались ни в какую разумную стратегию. Мало того, наземные радары не засекли никаких целей. Взвесив все за и против, Петров пришел к выводу, что наиболее вероятной причиной является сбой в работе системы. Как выяснилось впоследствии, рассуждения Петрова были вполне корректными — зловещие боеголовки, увиденные “Оком”, оказались не чем иным, как отражением низких облаков, принятых датчиками системы за ракеты.

Настойчивость Петрова, проявленная в умении сначала думать, а потом действовать, отвратила ядерную катастрофу и уничтожение человечества. По идее, весь мир должен был чествовать его как героя. Однако же ему объявили выговор — по надуманному поводу: он якобы неправильно оформил документальное обоснование своих действий в критической ситуации. Много лет спустя Петров вспоминал, что эта задача была в тот момент просто невыполнима: “Одной рукой я держал телефонную трубку, а другой работал с селектором внутренней связи; третьей руки у меня не оказалось”. Конечно, в действительности русское военное командование было обескуражено отказом суперсовременной системы и же-

лало найти виноватого. Поняв, что его используют как козла отпущения, Станислав Петров пережил нервный срыв. Через год он уволился со службы и перешел на работу в научно-исследовательский институт. Помимо высшего советского военного командования, никто не знал ни о поступке подполковника, ни о предотвращении им ядерной катастрофы. Мир услышал о Петрове только в 1998 году. Но даже после этого он остался прежним скромным человеком, до самой своей смерти (в 2017 году) утверждавшим, что он всего лишь делал свое дело. Возможно, это и так, однако подумайте, что могло произойти, если бы на месте Петрова оказался человек, не склонный к рефлексии.

Но это был отнюдь не единственный случай, когда холодная война едва не превратилась в войну горячую. За два десятилетия до описанного случая, 27 октября 1962 года, в самый разгар кубинского ракетного кризиса, возникла еще более тревожная ситуация. В то время, когда Хрущев и Кеннеди лихорадочно вели переговоры, стараясь предотвратить войну, в Северной Атлантике, в океанских глубинах, разразился кризис, о котором не было известно лидерам обеих сверхдержав. Корабли ВМС США обнаружили советскую подводную лодку Б-59, которая, чтобы уйти от наблюдения, погрузилась настолько глубоко, что потеряла связь с внешним миром. Экипаж подлодки, преследуемой американским авианосцем “Рэндольф” и одиннадцатью эсминцами, в течение нескольких дней не мог выйти на связь с Москвой. Никто на борту не знал, началась ли война, и не понимал, что делать.

В попытке заставить подлодку всплыть для опознания американцы принялись бросать за борт глубинные бомбы; русские — что совершенно неудивительно — восприняли эти действия как акт войны. Находившиеся на борту трое старших офицеров — капитан подводной лодки Валентин Савицкий, замполит Иван Масленников и начальник штаба бригады подводных лодок, капитан второго ранга Василий Архипов — непрерывно совещались, решая, как следует поступить. В случае отсутствия связи с Москвой командир имел полномочия

реагировать на угрозы и право применить единственную торпеду с ядерной боеголовкой, входившую в корабельный арсенал. Американские преследователи об этом не знали и продолжали охоту за осажденной подлодкой.

Атмосфера на борту Б-59 была удручающей. Отказала система кондиционирования воздуха, температура поднялась до 50 градусов Цельсия, превратив лодку в финскую баню. Повысилось содержание углекислого газа, стало не хватать кислорода — все это никак не способствовало принятию разумных решений. Подходил к концу запас питьевой воды; экипаж получал по одному стакану воды в сутки. Глубинные бомбы продолжали падать, и находившийся на борту офицер разведки Вадим Орлов позже вспоминал: “Это было то же самое, что сидеть в железной бочке, по которой кто-то непрерывно колотил кувалдой”. В этом аду капитан Савицкий пришел к выводу, что война началась. “Наверху наверняка бушует война, а мы прячемся на дне. Нам надо ударить. Мы погибнем, но не посрамим честь флота”, — сказал он и отдал приказ нацелить на “Рэндольф” торпеду Т-5 с зарядом 15 килотонн.

Масленников согласился с доводами командира. Устав предписывает, что решение об атаке требует согласия капитана и замполита. Однако должность Архипова как начальника штаба бригады ставила его в положение, равное положению командира лодки Савицкого. Для использования атомной торпеды требовалось согласие всех трех командиров. Савицкий и Масленников высказались за удар, и теперь бремя решения целиком и полностью легло на широкие плечи Василия Александровича Архипова. Он сказал, что атомная торпедная атака превратит “Рэндольф” в пар и этот акт станет первым выстрелом Третьей мировой войны. Ни в Кремле, ни в Белом доме не знали о том, что офицеры-подводники в этот момент принимали самое ответственное в своей жизни решение. Говоря словами историка Артура Шлезингера-младшего, “это был не только самый опасный момент холодной войны. Это был самый опасный момент в истории человечества”.